

— Пошли, — позвал Гоудань.

Единственный в уездном городе кинотеатр примостился прямо у оживлённого универмага. На его внешней стене красовалась огромная афиша с изображением героев какого-то нового фильма. Мужчина на плакате выглядел статно и мужественно, женщина — миловидно и изящно, а на их щеках пылал густой нарисованный румянец.

— Мы что, пойдём в кино? — Ван Сюань замялся, с тоской думая о семейном бюджете. — Это же ужасно дорого. Может, лучше подождём, пока в деревню приедет кинопередвижка? Тогда и посмотрим бесплатно.

Гоудань молча перевёл взгляд с него на огромную афишу, а затем обратно. В его глазах читалась такая отчаянная, но смиренная жажда, что Ван Сюаню стало не по себе.

«Брат Гоудань, ты серьёзно? Думаешь, если прикинешься несчастным сиротой, я тут же растаю?»

Но противиться этому взгляду было выше его сил.

— Один... Дайте один билет, — вздохнул Ван Сюань, зажмурившись от собственной расточительности.

Гоудань тут же расплылся в довольной улыбке:

— Два. Нам нужно два билета.

Рука Ван Сюаня, уже лезшая в карман за деньгами, замерла. Он укоризненно зыркнул на Гоуданя, но всё же выудил нужную сумму и протянул её в окошко кассы.

Кассирша лениво приподняла веки, сгребла мятые купюры и небрежно швырнула на прилавок два бумажных клочка красного цвета шириной в пару пальцев.

— Сеанс уже начался. Проходите скорее, — буркнула она.

Гоудань взял билеты и опешил. Он уже открыл было рот, чтобы возмутиться, но Ван Сюань крепко схватил его за руку и потащил за собой.

— Ну что за люди! Почему она сразу не предупредила? — сердито шептал А-Сюань. — Фильм уже наполовину прошёл, а содрали полную стоимость! Могли бы хоть скидку сделать за полцены.

— Ладно тебе, пустяки. В крайнем случае просто не уйдём после окончания и досмотрим начало со следующим сеансом, — попытался успокоить его Ван Сюань. Ван Сюаню тоже было безумно жаль денег, но устраивать скандал в уездном кинотеатре казалось плохой идеей. Городские служащие славилась своим скверным характером, а у них в городе не было никакой опоры — лучше не нарываться.

Поскольку время было ещё раннее, зал пустовал больше чем наполовину. Настоящий наплыв зрителей здесь бывал разве что в обед или ближе к вечеру. Внутри царил полумрак, тускло освещаемый лишь вспышками на огромном экране, по которому то и дело пробегали мелкие серые полосы помех.

Приятель быстро отыскивали свободный ряд подальше от редких зрителей и сели.

Сюжет они застали без начала и конца. Впрочем, судя по всему, пропустили они не так много. Сосед услужливо шепнул им пару слов, вкратце обрисовав завязку.

На экране в этот момент какой-то мужчина с жаром читал страстную лекцию, пытаясь то ли переубедить толпу, то ли вдохновить её на подвиг. В следующем кадре женщина уже безутешно рыдала, закрыв лицо руками. Гоудань искренне не понимал, к чему весь этот пафос, но сидевший рядом мужчина проникся моментом настолько, что достал засаленный носовой платок и принялся шумно вытирать слёзы.

Гоудань растерянно моргнул.

«Что за дела? Чего они все разнюхались?»

Он повернул голову к Ван Сюаню и обомлел: у того в глазах тоже поблёскивали самые настоящие слёзы.

Оглядевшись, Гоудань понял, что плачет чуть ли не весь зал. Люди хлюпали носами, кто-то даже откровенно всхлипывал. Гоудань потёр лицо, пытаясь вызвать в себе хоть каплю сочувствия к экранным страданиям, но тщетно — кино его совершенно не трогало.

— Ну ты-то чего ревёшь? — негромко шепнул он Ван Сюаню. — Перестань. Мы пришли сюда деньги тратить, чтобы ты поплакал, что ли?

— Но её ведь так жалко... — шмыгнул носом А-Сюань.

Гоудань закатил глаза. Жалко ему её! Какое тебе дело до чужой бабы на экране?

Ван Сюань утёр слёзы и подумал, что спорить с Гоуданем в такие моменты бесполезно. Всё равно тот ничего не поймёт. Когда в их деревню привозили кино, Гоудань терпеть не мог все эти сопливые драмы и обычно засыпал прямо на траве. Вот если показывали что-то про войну,

со взрывами, свистом пуль и грохотом орудий — тут его было не оторвать от экрана.

Когда сеанс закончился, Ван Сюань вышел на улицу вполне довольным, хоть глаза его всё ещё оставались красноватыми. Гоудань же лишь озадаченно чесал затылок, так и не уловив сути картины.

— Слушай, давай семечек купим? Пощелкаем, — предложил он.

У Ван Сюаня даже спорить сил не осталось. Грустное романтическое настроение улетучилось вмиг. Он решительно ухватил спутника за локоть и потащил прочь от торговцев, пока тот не спустил все оставшиеся деньги на всякую ерунду. А-Сюань прекрасно знал, что просто не умеет отказывать Гоуданю. Раз уж все семейные сбережения теперь хранятся у него, он должен быть строгим хранителем кошелька, иначе они по миру пойдут. Хотя, по правде говоря, хозяином в их союзе всё равно оставался Гоудань.

— Отдай мне свой билет, — потребовал Ван Сюань, протягивая руку.

— Зачем он тебе? Он же больше не нужен.

Тем не менее Гоудань послушно отдал бумажку. Ван Сюань аккуратно спрятал оба билета в карман. Он собирал такие мелочи на память, чтобы на старости лет перебирать их и вспоминать прожитые дни. Но Гоуданю об этом говорить не стоило — опять поднимет на смех его привычку тащить в дом всякий хлам.

— Ого, посмотри туда! Чего это там столько народу собралось? Пошли глянем! — воскликнул Гоудань и, не дожидаясь ответа, рванул вперёд.

Ван Сюань едва успел охнуть. Его дёрнули с такой силой, что он чуть шею себе не свернул от внезапного ускорения.

Они мгновенно влетели в самую гущу бурлящей толпы. Оглядевшись, Ван Сюань понял, что их окружают в основном уездные тётки и дородные матроны, которые сгрудились плотной стеной. Местные бабы, завидев двух наглых юнцов, мигом оцетинились. Ещё чего не хватало — новые конкуренты! Они принялись активно работать локтями, пытаясь вытеснить парней наружу. Гоуданя и Ван Сюаня чуть не расплющили в этой живой мясорубке. Но удивительное дело: чем сильнее толпа пыталась вытолкать их, тем глубже они продвигались внутрь.

Их буквально несли на руках, зажав со всех сторон. Вскоре до парней долетели обрывки криков, и всё встало на свои места: в Снабженческо-сбытовой кооператив завезли партию бракованных тканей, которые продавали без талонов!

Услышав это, Ван Сюань мигом передумал выбираться назад. Без талонов! Да им в хозяйстве любая ткань сейчас позарез нужна!

— Я расчищаю дорогу, а ты хватай быстрее, — негромко скомандовал Гоудань.

Люди вокруг начали плавно расступаться в стороны, сами того не замечая. Тётки заволновались: откуда взялся этот крепкий малый, решивший проложить себе путь грубой силой? Но боевой дух уездных баб, закалённых в многолетних очередях, был несокрушим. На стороне матрон были колоссальный опыт и свирепая отвага. Очень скоро Гоудань почувствовал, что продвигаться становится всё труднее.

— Куда прёшь, шпана?! — визжали в толпе.

— Ногу! Кто мне наступил на ногу, твою мать!..

— Сказано тебе, не лезь! Наглец!

Крики, ругань, проклятия — ор стоял невообразимый, но никто не отступал ни на пядь.

У Гоуданя от усердия даже лицо перекошило. Его толкали, хватали за одежду, кто-то больно дёрнул за волосы, но он упорно, как танк, тащил Ван Сюаня за собой к самому прилавку.

Наконец они прорвались. Продавщицы за прилавком, привыкшие к подобным баталиям, и бровью не повели. Когда взъерошенный Гоудань тяжело выдохнул и потребовал продать ему целый рулон, стоявшая за весами женщина лишь презрительно фыркнула:

— Ишь чего захотел, рулон ему! А остальным шиш с маслом?

В одни руки отпускали строго по метрам. Без талонов-то без талонов, но лимит никто не отменял: модного дицюэляна давали не больше пяти чи в одни руки. На обычный хлопок ограничения были помягче.

— Нас двое. Нам десять чи дицюэляна и полрулона хлопка... — начал было быстро называть мерки Ван Сюань, но тут его с силой толкнули в плечо.

— Подвиньтесь, мелюзга! Нечего тут место занимать! — грубо гаркнула втиснувшаяся сбоку крупная бабища. — Продавщица, мне двадцать чи дицюэляна и ещё того хлопка...

Договорить она не успела. Гоудань поймал покачнувшегося Ван Сюаня, убедился, что тот крепко стоит на ногах, а затем, не говоря ни слова, просто выставил руку вперёд. Он слегка толкнул наглую тётку в плечо, применив её же приём.

Женщина отлетела назад на несколько шагов, увлекая за собой стоявших позади людей.

— Ты чего моего брата толкаешь? — холодно спросил Гоудань, смерив тётку недобрым взглядом.

Та на секунду опешила, а затем истошно завопила на весь магазин:

— Караул! Хулиганы среди бела дня бьют! Чего стоите, люди добрые? Видите, как меня, старуху, обижают! А ну-ка, сынки, проучите этого паршивца!

Из-за её спины тут же выдвинулись двое дюжих парней и одна девица. Парни, судя по всему, были её сыновьями — оба высокие, на редкость плечистые и крепкие по нынешним временам. Очевидно, местная шпана, которую все старались обходить стороной. Толпа вокруг них тут же испуганно отхлынула, освобождая пятачок для драки.

Один из верзил смерил Гоуданя наглым взглядом и шагнул вперёд:

— Слышь, щенок, ты на кого руку поднял? Мать мою толкать вздумал? Ну пошли, я тебя манерам поучу...

Он протянул лапищу, намереваясь схватить Гоуданя за шиворот, но тот легко уклонился.

— Твоя мать сама моего брата чуть с ног не сбила. Вы слепые, что ли? — спокойно ответил Гоудань.

— Ах ты тварь! — рявкнул верзила и наотмашь замахнулся, метя кулаком Гоуданю в челюсть.

Гоудань лишь слегка пригнулся. Удар просвистел над его головой. В долю секунды Гоудань скользнул парню за спину, резко развернулся и нанёс короткий, точный удар ногой ниже спины.

Верзила буквально взмыл в воздух и пролетел пару метров, после чего с глухим стуком рухнул на колени прямо на затоптанный пол и... его шумно вырвало.

Зрители замерли в немом шоке. Им показалось, что парень просто замахнулся на Гоуданя, а в следующий миг уже летел кувырком. Движения деревенского юноши были настолько быстрыми, что обычный человеческий глаз едва мог за ними уследить. Противник скорчился на полу, изрыгая содержимое желудка и не в силах подняться от дикой боли.

Ван Сюань облегчённо выдохнул. Гоудань уже отлично контролировал свою внутреннюю силу. Он сберёг парню жизнь — примени он чуть больше мощи, тот бы уже испустил дух по дороге в больницу. Сейчас же этот громила просто полежит, помучается от боли в животе и тошноты, но серьёзных травм не получит.

Не теряя времени, Ван Сюань повернулся к окаменевшей продавщице и состроил самую жалобную гримасу, на какую был способен:

— Сестрица, умоляю, отпусти скорее ткань! Видишь, их вон сколько, а нас всего двое! Они же нас до смерти забьют... Мы сироты, дома куча голодных ртов, одежонка вся в лохмотьях, только на эти бракованные лоскуты и надежда!

Он молниеносно выложил на прилавок деньги. Продавщица, всё ещё пребывая в ступоре, машинально стрепала купюры. Её товарка тихонько толкнула её локтем в бок, намекая, что нужно шевелиться. Глядя на бледное, испуганное личико миловидного Ван Сюаня, женщины прониклись к нему искренним сочувствием. А вот его «братец», который только что уложил местного громилу одной левой, внушал им суеверный ужас.

«Такой милый мальчик, и такой дикий брат... Хорошо, что заступился за младшего, а то эти бандиты совсем страх потеряли», — подумала продавщица.

Она с небывалой скоростью отмерила ткань, отрезала куски и протянула Ван Сюаню.

— Спасибо, сестрица! — вежливо поблагодарил А-Сюань.

— Гоудань-гэ, уходим! — позвал он.

Гоудань тут же подхватил свёртки, и они, расталкивая зевак, бросились к выходу. За спиной у них поднялся невообразимый гвалт: выла побитая мамаша, ругалась её дочка, а толпа напирала ещё сильнее, пытаясь рассмотреть, кто же там дерётся.

Выскочив на улицу, парни припустили во всю прыть. Убедившись, что погони нет, они наконец остановились в каком-то тихом переулке, тяжело дыша и привалившись спиной к прохладной кирпичной стене.

Ван Сюань пострадал меньше — он всю дорогу прятался за широкой спиной Гоуданя. А вот самому Гоуданю досталось: его воротник был безбожно растянут, а на макушке не хватало доброго клокa волос — видимо, кто-то из разъярённых тёток успел вцепиться намертво. Голова у него до сих пор саднила.

— Рукав порвали... И пуговиц, кажется, двух штук недосчитался, — вздохнул Ван Сюань, осматривая одежду друга. — Ладно, дома подберу похожие и пришню.

— Это ещё ладно, — проворчал Гоудань, приподнимая ногу. — Ты посмотри, что с моими ногами сделали. Стоптали к чертям!

Он был обут в старые, обрезанные под шлёпанцы резиновые сапоги. Вся кожа на ступнях была покрыта грязными отпечатками чужих подошв, а на щиколотке красовалась свежая ссадина.

— Ну, кожа у тебя как у вола, заживёт быстро, — подмигнул Ван Сюань. — Придём домой, вымоешь ноги и смажешь моим травяным соком. Всё как рукой снимет.

Гоудань лишь обиженно засопел. Тоже мне, утешил! «Кожа как у вола»!

— Да уж, правы люди, когда говорят, что женщины держат половину неба. В очередях они страшнее любого тигра, — содрогнулся Гоудань, вспоминая недавний кошмар.

— Им нужно семьи кормить и одевать, вот и крутятся как могут. Ткань без талонов — это же невиданная удача, за неё и подраться не грех, — резонно заметил Ван Сюань. Впрочем, обычные люди просто толкались и ругались в рамках приличия, никто умышленно не дрался. А вот та наглая семейка явно привыкла решать вопросы силой, за что и поплатилась. Гоудань проучил их вполне заслуженно. О том, что они только что продемонстрировали нечеловеческую силу, парни предпочли не распространяться. Это был их общий секрет.

Ван Сюань бережно переложил свёртки с тканью в руки Гоуданю:

— На, поддержи пока.

Сам он принялся поправлять на нём рубаху и приглаживать растрёпанные волосы, чтобы Гоудань не выглядел совсем уж как бродяга.

— Нам сегодня просто невероятно повезло, — сиял Ван Сюань, бережно ощупывая плотные свертки. — Настоящее чудо!

— На три приличные рубашки точно хватит. Сделаем по одной нам с тобой, и отцу твоему ещё останется на приличную верхнюю одежду, — подсчитывал он вслух. — Правда, кроить придётся экономно, без лишних складок. А вот из хлопка... Хотя он и с браком окраски, пятнистый такой, зато мягкий. Я вырежу самые чистые куски, сошьём тебе и дяде лёгкие летние штаны. А оставшиеся разноцветные лоскуты пустим на пододеяльники. Что думаешь?

В деревнях пододеяльниками почти не пользовались — ткань была в дефиците. Обычно одеяло просто сшивали с простынёй по краям, а перед стиркой всё это дело приходилось распарывать, стирать по отдельности и сшивать заново. Это было жутко неудобно.

Но Ван Сюань подглядел у своего соседа по общежитию, Гао Цзяньго, настоящие пододеяльники на пуговицах. Снял, постирал, надел обратно — милое дело! Он тогда иссохся весь от зависти.

— Делай как знаешь, я в этом всё равно ни черта не смыслю, — махнул рукой Гоудань. — Только отцу летние штаны шить не надо, у него их и так полно. Лучше оставь этот хлопок, к зиме набьём его ватой и сделаем ему тёплую телогрейку.

— Договорились, — улыбнулся Ван Сюань. Значит, у Лао Сы будет модная рубашка из дицюэляна и отличная ватная одежда к холодам. Такому подарку любой позавидует.

— Да уж, денёк выдался — лучше не придумаешь! — довольно потянулся Гоудань.

— Представляю, как Цичжи и остальные лопнут от зависти, когда увидят наши обновы! Жаль, их с нами не было, ха-ха!

— Это точно, — тихо рассмеялся Ван Сюань.

Впрочем, даже если бы ребята пошли с ними, у них бы просто не хватило денег. Наличных у парней отродясь не водилось, всё, что у них было — это талоны на общественную столовую. Лезть в такую свалку ради дефицитного товара они бы точно не решились. Но Гоудань, со своим вечным шилом в одном месте, не мог пройти мимо шума — и в итоге принёс им обоим королевский улов.

<http://bllate.org/book/19654/1996738>